

Глава 18. Счастливыцы и отверженные

«Белый Клык Конохи».

Легендарный шиноби, чья слава гремела наравне с именами Великих Саннинов. Выходец из ничем не примечательного рода, не имевший за спиной великих учителей, он внушал врагам трепетный ужас лишь с помощью короткого чакра-клинка и собственной несгибаемой воли.

Как один из сильнейших воинов Деревни, Сакумо выполнил неисчислимое множество миссий. Подвиги, которых иному хватило бы на всю жизнь, для него давно стали привычной рутинной. И всё же за сорок лет службы даже он не раз оказывался на грани гибели, и некоторые из тех дней отпечатались в памяти навсегда.

Особенно въелась в память ликвидация даймё Страны Лесов. Правителей такого уровня непрерывно охраняют сильнейшие джонины, отчего успешное нападение с последующим отходом казалось почти невыполнимой задачей. Но смертельный риск самой миссии отступил на второй план по сравнению с тем, что произошло по возвращении в Коноху. Разговор с Третьим Хокаге перевернул всё.

— Слава богу, — проговорил Третий, выслушав отчёт. Он долго и молча затягивался трубкой, а затем поднял тяжелый взгляд на Сакумо. — Слава богу, вы справились.

Уловив в его тоне огромный груз спавшего напряжения, Сакумо почувствовал, как внутри всё похолодело. Наружу вырвалась догадка, давно кружившая в голове:

— Заказчик... Им ведь был даймё нашей страны, так?

— От Белого Клыка ничего не утаишь, — вздохнул Хокаге.

— Что вообще происходит? Зачем нашему правителю устранять даймё Страны Лесов, с которой у нас даже нет конфликта?

— Подробности я тебе открыть не могу, да и сам не знаю всех тонкостей... К тому же шиноби не должно выведывать то, о чём заказчик умалчивает. — Третий выбил пепел из трубки. — Скажу одно: исход этой миссии решал судьбу четырёх приграничных городов на границе со Страной Травы. Провали вы задание — и Страна Огня лишилась бы этих земель, а они, вероятнее всего, отошли бы Стране Травы. А та ныне — не более чем марионетка Страны Камня. Потеряй мы эти крепости, и при первой же новой войне наше положение станет катастрофическим.

— И мало того... — добавил Сакумо. — Вся вина за потерю территорий неизбежно легла бы на Коноху.

Слова Хокаге ледяным ушатом обдали Сакумо. И хотя Третий говорил о деревне в целом, Сакумо прекрасно понимал: весь груз ответственности и позора за провал раздавил бы именно его, командира отряда. Вторая мировая война шиноби завершилась недавно, Деревня едва начинала зализывать раны, а половина казны держалась на субсидиях феодала. Навлечь на Коноху гнев даймё и знати в такой момент...

Недолеченная рана под рёбрами отозвалась тупой болью. Перед глазами вспыхнула картина: он несёт на себе бессознательного соратника, прорываясь сквозь мешанину вражеских клинков; в ноздри въелась тошнотворная гарь сожжённых тел, а к горлу подступил знакомый солоноватый вкус крови.

Пожалел ли он о своём выборе? Теперь, узнав, какие политические интриги и ставки копошились за спиной его отряда, он и сам не мог ответить наверняка.

То была безумная ставка, и ему просто улыбнулась удача. Вернись они тогда с пустыми руками и вестью о провале... От этой мысли стыла кровь.

Как он дошёл от Башни Хокаге до старого поместья Хатаке, Сакумо помнил смутно. На дворе стояла глубокая ночь. На автомате сдвинув дверную панель и зажёгши свет в прихожей, он замер: у стены, обняв колени и уткнувшись в них носом, свернувшись в крошечный клубок, спал его шестилетний сын.

В воздухе ещё витал едва уловимый запах жареной речной рыбы — их общего любимого лакомства.

Зашуршала одежда, вспыхнул свет, и Какаси вздрогнул, просыпаясь. Потирая спросонья глаза, он поднял голову и посмотрел на отца. На детском личике промелькнула кроткая, нежная улыбка, какую днём от него было не дожидаться:

— Папа... ты вернулся?

Опомнился Сакумо уже на коленях, стискивая сына в объятиях так, будто хотел врастить его в себя. Запоздалый ужас накатил всепоглощающей волной, и руки его забили в мелкой дрожи.

Со дня смерти жены, скончавшейся от родовой горячки, этот легендарный шиноби, не дрогнувший ни разу перед лицом кровавого ада, впервые потерял самообладание.

Маленький Какаси, кажется, испугался. Выпростав ручонки из крепких объятий, он обнял отца за шею и прижался щекой к его щеке:

—...Папа?

Сакумо не ответил. С почти молитвенной благодарностью он вслушивался в ровный, живой

стук детского сердца, пока его собственный бешеный пульс не унялся, совпав с ритмом дыхания сына.

— Всё хорошо, — прошептал он, не понимая, кого успокаивает больше — Какаси или себя. И обнял своё единственное сокровище ещё крепче. — Я дома.

С тех пор промчались годы. Третий сложил полномочия, передав пост Минато; прежний даймё скоростижно скончался, а сменивший его правитель в результате переворота устремился к тесному союзу с Конохой. Прошлое быльём поросло, а та опасная миссия превратилась в покрытое пылью воспоминание. Лишь изредка Сакумо возвращался к ней мыслями, но уже без прежнего трепета: всё закончилось благополучно, задание было выполнено, а принципы — сохранены.

У прошлого нет наклонений «если бы».

Но теперь всё изменилось. Рассказанная Тоби история прорезала мрак подобно вспышке молнии. В этом мгновенном, зловещем свете Сакумо разглядел иной изгиб судьбы — и тот беспросветный, ужасающий финал, что поджидал его в конце той дороги.

И самый страшный, самый жуткий плод этой альтернативной реальности восседал прямо перед ним.

Сакумо оглядел скованную фигуру Рокэя — хотя нет, ему куда привычнее было звать его Какаси. Тот сидел, чинно выпрямив спину, сдвинув колени и прижав ладони к бёдрам, будто послушный ученик на наставлении. Серебровласый воскрешённый едва заметно наклонил голову; спадающая челка скрывала глаза и открытую часть лица, отчего внешне он казался совершенно живым.

Сакумо вдруг осознал: ведь это их вторая встреча один на один.

Тогда, в Башне Хокаге, осторожность шиноби заставила его, как и Минато, сохранять долю скепсиса. К тому же он был оглушён горем от потери собственного сына, а затем брошен в водоворот надежды от слов Генмы: «Какаси, возможно, жив». Встретив этого незнакомца из чужого мира — столь похожего и одновременно иного, — Сакумо подсознательно отгородился от него. Когда тот отказался жить в доме Хатаке, Белый Клык не стал настаивать. А потом все его мысли поглотила спасательная операция; кроме пары комплектов одежды, переданных через Обито, у него просто не оставалось сил думать об этом пришельце.

Лишь недавний поход в Деревню Скрытого Дожда окончательно растоптал его иллюзии. Вид осквернённого тела собственного сына, превращённого в марионетку, и этот жуткий рассказ Тоби заставили Сакумо осознать ещё одну простую и горькую истину: сидящий перед ним Какаси из параллельного мира тоже мёртв. Давно мёртв.

И судя по тому, что тот рассказывал о своей жизни, начиная с четырнадцати лет у него не осталось ни единого близкого человека. Никого из тех, кем он дорожил.

Сакумо откашлялся, нарушая тягостное молчание:

— Твои сведения спасли нас в Амегауре. Мы вернулись невредимыми лишь благодаря тебе. Спасибо.

—...Не за что. Мне стыдно, ведь это единственное, чем я мог помочь. И всё же... вы так и не смогли вернуть его тело.

— Твои сведения о Риннегане хотя бы дали понять, что он был мёртв до того, как Тоби подчинил его себе, — проговорил Сакумо с потухшим взглядом. — Это сняло с нас тяжелое бремя во время боя.

Какаси вздрогнул. Поняв подтекст, он посмотрел на Белого Клыка с глубоким сочувствием.

Сакумо покачал головой:

— Впрочем, я пришёл не за этим. Послушай... Перед уходом из Деревни Дождя Тоби рассказал нам историю. Об одном отце, который провалил миссию, подвергся травле со стороны соратников и в конце концов бросил сына, покончив с собой.

Какаси замер. Воздух вокруг него словно заledenел.

Сакумо подался вперёд, глядя прямо в глаза воскрешённого — в эти разноцветные глаза с тёмными белками:

— Скажи мне, Какаси... В твоём мире я правда погиб при исполнении?

Взгляд Какаси стал жутковатым. Это были не глаза, а мутное зеркало, отразившее вопрос Сакумо мёртвым, пепельным светом — так смотрит человек, годами терзаемый кошмарами. Он сидел, крупно дрожа всем телом, готовый сорваться, сбежать, исчезнуть, но некая невидимая сила приковала его к стулу.

Перед ним был не Сакумо из настоящего. Перед глазами всплыл тот вечер из далёкого детства: он спит на полу в коридоре и просыпается от шороха. На пороге стоит отец — осунувшийся, смертельно бледный, словно из него вытравили всю жизнь. Он стоит, но его дух уже раздавлен, уничтожен.

«Папа... ты вернулся?» — испуганно пролепетал ребенок.

Но отец не отозвался. Он даже не взглянул на сына. Пробрёл мимо, подобно призраку, волоча ноги в глубь тёмного коридора.

А потом его мир рухнул. Обвинения, насмешки, проклятия обрушились лавиной, въедаясь в сердце ядовитыми стрелами. И кровавая точка была поставлена грозовой ночью: вспышка молнии выхватила из мрака кабинет, где на полу свернулось тело отца. Короткий клинок, принёсший столько славы, торчал из его живота. Великий воин умер посмешищем.

Тяжёлое, прерывистое дыхание Сакумо выдернуло Какаси из оцепенения. Напрягши всю волю, он затолкал кошмарные картины обратно в бездну памяти, поднял взор и проговорил как можно ровнее:

— Да. Вернувшись в деревню, он умер от тяжёлых ран через два дня в госпитале.

Сакумо явно не поверил, но спорить не стал.

— А как проходили похороны, ты помнишь? Ты был совсем мал, организацией наверняка занимался кто-то другой?

«Никаких похорон не было. Опозоренному изгой-предателю они не полагались. Там были только я, учитель Минато и господин Дзирайя».

— Конечно, — ответил Какаси.

— А помнишь ли ты Нагано Хироюки? Он возглавлял первый отряд Спецназа и обучал новобранцев. Я часто помогал ему вести занятия по фехтованию, мы сблизились. Даже давали клятву: если один из нас погибнет, второй позаботится о его детях. Ты помнишь его?

«Нет. Я ничего не знал о друзьях отца. А после его гибели все его знакомые, кроме Саннинов, поспешили отречься от него и перечеркнуть прошлое».

— Помню, — кивнул Какаси. — Но, к сожалению, полгода спустя он тоже погиб.

— Ты лжёшь, — тихо произнёс Сакумо. — В Конохе никогда не было человека по имени Нагано Хироюки.

Какаси оборвал речь на полуслове.

Сакумо протянул руку и сжал его холодные, сцепленные в кулаки пальцы.

— По пути в Амегакуре Обито рассказывал мне о тебе. Ты говорил ему о том, что случилось на

мосту Каннаби, и о том, как к тебе перешёл этот глаз. Ты поставил задание выше жизни Рин... Что должно было произойти, чтобы ты отрёкся от правил, которым следовал с самого детства?

Какаси молчал.

Сакумо с глубокой скорбью посмотрел на него:

— Тот отец, совершивший самоубийство... это был я, верно?

За дверью раздался лёгкий шорох, но ни один из них не обратил внимания. Какаси всё так же хранил молчание. Маска слегка дёрнулась, он разомкнул губы, но так и не вымолвил ни звука.

Когда боль превосходит все мыслимые пределы, человек теряет способность делиться ею.

Сакумо поднял руку и медленно опустил тёмно-синюю ткань маски. Он долго всматривался в это лицо — родное и одновременно чужое. В нём было меньше юношеской пылкости и куда больше отпечатавшихся следов перенесённых страданий. Он научился мастерски прятать чувства — иначе, Сакумо знал, на этой душе не осталось бы живого места от зияющих ранений.

Трещины Нечестивого воскрешения покрывали его кожу — точь-в-точь как шрамы на израненной душе, которую некогда разбила судьба, а потом собрала обратно из осколков.

Как он выжил в одиночестве все эти годы? Встретил ли соратников, которым смог доверить спину и открыть сердце? Но даже если и так — разве способны новые узы исцелить старые, выжженные дотла раны?

Сакумо бережно коснулся пальцами трещины на щеке. Он знал, что воскрешённое тело не чувствует боли, но всё равно двигался невероятно осторожно, точно боясь причинить вред.

— Прости меня, Какаси.

«Прости, что бросил тебя. Тебе ведь было так невыносимо больно...»

—...Нет.

Какаси внезапно перехватил его руку. Он судорожно моргнул, и дурман давних кошмаров наконец рассеялся. Взгляд прояснился, он снова открыто посмотрел на Белого Клыка, и в глубине его глаз зажглось тихое светлое пламя.

— Вам не за что просить прощения. Даже если я вернусь в Чистую Землю и встречу его там, я скажу то же самое. Всё давно в прошлом. Он поступил так, как считал правильным, сделал всё,

что мог. Теперь я понимаю его. Отец, поставивший жизнь товарищей выше любых правил... стал моей гордостью.

Он запнулся и криво, горько улыбнулся:

— Жаль только... удачи ему не хватило.

— Какаси... — Сакумо не выдержал и прижал юношу к себе.

Знакомое с детства ощущение заставило слёзы подступить к глазам. В груди бушевал ураган: беспросветная скорбь переплелась с эгоистичной, но столь естественной радостью. Он не знал, проклинать ли судьбу или благодарить её за то, что привязала к нему этого истерзанного ребёнка именно так.

В ушах прозвучал судорожный вздох. Какаси замер в его объятиях, не ведая, как себя вести. Лишь секунды спустя его руки несмело, бережно коснулись спины Сакумо:

— Господин Сакумо...

Сакумо сжал его ещё сильнее:

— Неужели ты всё ещё будешь звать меня так?

—...Отец.

Пришелец из другого мира наконец обмяк, прижавшись к нему в ответном объятии.

Деревня Скрытого Дождя. Вершина западной башни

Тоби сидел на самом краю балкона, глядя свысока на затянутый сталью и бетоном город.

Как обычно, с неба моросил бесконечный дождь. То была «Техника Свободного Дождя Тигра», сотворённая Пейном. По требованию Тоби Пейн вместе с рассыпанными по всей территории Белыми Зетсу круглосуточно отслеживал малейшее движение в Амегакуре.

И всё же, несмотря на столь непроницаемую сеть, ниндзя Конохи сумели пробраться внутрь и почти дошли до самого сердца... Это наводило на весьма любопытные мысли.

«Впрочем, неважно», — подумал Тоби.

Его альянс с Чёрным Зетсу и Нагато с самого начала был лишь фикцией — истиной, о которой все трое прекрасно знали. Когда план «Око Луны» воплотится в жизнь, эти отработанные фигуры отправятся в утиль.

За его спиной возвышался Царь Ада, призванный силой Пути Ада. Огромная пасть чудовища сжималась и разжималась, будто пережёвывая нечто мягкое. В прошедшей стычке Белый Клык действовал с беспощадной точностью, и восстановление Какаси потребовало больше времени, чем предполагалось.

К слову, о том бою... Кое-какие детали, пусть мелкие, за последние два дня так и не выходили у Тоби из головы.

Их Шаринганы обладали абсолютно одинаковой способностью. Однако молодая версия его самого ничуть этому не удивилась и даже не попыталась ни о чём расспросить во время сражения. Более того, тот Обито заявил, будто Шаринган Тоби — чужой.

С чего бы ему так решать?

А реакция Дзираи при виде Какаси? Сперва Тоби не придавал значения его словам, но в свете странного поведения Обито пазл начал складываться. В оригинальном мире Зетсу детально доложил Тоби о бою Дзираи против Шести Путей Пейна, и тогда Саннин понятия не имел, что сражается с марионетками-трупам. Так почему же здесь Дзирая мгновенно распознал природу Риннегана? Почему вся четвёрка из Конохи с самого начала знала, что Какаси мёртв и им управляют как куклой, вместо того чтобы считать его живым пленником?

Кто слил Конохе информацию, которой у них быть не могло, заставив их с точностью просчитать его действия?

Неужели помимо него существует ещё кто-то, пришедший из его прежнего мира?..

Тоби невольно выпрямился и касанием проверил правую глазницу.

«Нет-нет, это исключено, — убеждал он себя. — Я попал сюда из-за пространственного сбоя при использовании Камуи. Это уникальное очие мастерство. Как у кого-то ещё мог возникнуть подобный случай?»

Хотя до перемещения сюда он точно так же посчитал бы чушью сказку о путешествиях между параллельными мирами через Камуи.

Как ни абсурдна была эта мысль, Тоби не мог остановить ход рассуждений. Если такой человек действительно существовал и так рьяно помогал Конохе, он непременно был шиноби Листа. И

раз он знал о свойствах Риннегана, то покинул родной мир либо одновременно с Тоби, либо позже — как минимум после нападения Нагато на Коноху. В той битве способности Шести Путей видели все от мала до велика, но составить подробнейший аналитический отчёт могли только те, кто входил в ближний круг Цунаде или Дандзо.

Кто же это? Из «Корня» он мало кого знал. Нара Сикаку? Яманака Иноити? Харуно Сакура? Удзумаки Наруто? Ямато? Или сама Цунаде?

«Будь Какаси жив, он стал бы идеальным кандидатом...» — эта мысль внезапно впиалась в разум, заставив дыхание Тоби сбиться.

«Нет».

Он сжатой до судорог ладонью сжал сумку с инструментами на поясице. Там покоился свиток размером с ладонь, хранящий запечатанный левый глаз — тот самый, что когда-то был подарен.

«Та подделка мертва. Я лично сжёг его тело дотла. Он не мог воскреснуть. И ни в одном из миров больше не появится тот, единственный Хатаке Какаси...»

Прежде чем мысли окончательно унесли его в пучину безумия, за спиной раздался тяжёлый гул. Тоби очнулся и повернулся: Царь Ада медленно разжал челюсти. Из пасти выскользнула серебровласая фигура. Сломанные кости срослись, сквозная дыра в груди затянулась — марионетка выглядела полностью исцелённой и готовой к бою.

Тоби поднялся и подошёл к Какаси. Из воронки Камуи в его руку выпал чёрный плащ с алыми облаками. Встряхнув плащ, он развернул его, а Какаси послушно развёл руки, позволяя одеть себя.

— Ой-ой, простите-извините, перебил вашу идиллию! — раздался слева развязный голос Белого Зетсу.

— Что случилось? — спросил Тоби, не глядя на него и аккуратно застёгивая пуговицы на плаще Какаси.

— Отчёт о миссии, — ответил Белый Зетсу. — Пейн и Конан вернулись. Увы, Шестихвостого они не взяли. Оказывается, ещё полмесяца назад дзинтюрики Шестихвостого, ниндзя-отступника Тумана по имени Утаката, устранили собственные земляки. Впрочем, Туману зверь тоже не достался: он вырвался на свободу и затаился где-то среди архипелага Страны Воды. Точные координаты неизвестны.

Он перевёл дыхание и добавил:

— Но это ещё не самое интересное.

— Говори.

— Эта новая Мидзукаге явно что-то замышляет. Она рассылает связных и почтовых ястребов направо и налево. Пейн попытался перехватить пару свитков, но на них стоят особые печати — сгорают при первой попытке вскрытия. Пришлось проследить за одной из птиц, чтобы узнать адресата. И угадай, к кому прилетел приветик?

Зетсу хмыкнул и заговорщически понизил голос:

— Чтобы не отдать Шестихвостого Рассвету, Туман, похоже, вознамерился заключить временный союз с Конохой.

<http://bllate.org/book/19560/1933735>